

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.2

Э.Э. Шульц

канд. ист. наук, докторант,
факультет международных отношений,
кафедра международных отношений,
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

**ФЕНОМЕН КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ПРОТЕСТОМ**

Аннотация. В статье разбирается феномен кубинской революции с точки зрения технологий управления социальным протестом с целью захвата политической власти. Рассматриваются принципы и технологии, сформировавшие после Кубинской революции подходы и шаблоны для последующих революций и иных радикальных форм социального протеста второй половины XX– начала XXI вв.

Ключевые слова: Кубинская революция, социальный протест, технологии бунта.

E.E. Shults, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

**THEORY OF REVOLUTION: THE PHENOMENON OF THE CUBAN REVOLUTION IN THE CONTEXT OF
THE MANAGEMENT OF SOCIAL PROTEST TECHNOLOGIES**

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of Cuban revolution in terms of technologies of social protest management with the purpose of capture of political power. The author examines principles and technologies which formed approaches and templates for subsequent revolutions and other forms of radical social protest of the 2-nd half of XX – the beginning of XXI century.

Keywords: Cuban revolution, social protest, riot technologies.

Феномен Кубинской революции (26 июля 1953 – 1 января 1959 г.) с точки зрения технологий управления социальным протестом с целью захвата политической власти никогда специально не исследовался. Между тем, именно революция в этом маленьком островном государстве привнесла новые принципы и технологии использования и организации социального протеста в политической борьбе, которые оказали влияние на всю вторую половину XX века и проявляются в самых современных событиях на севере Африки и Ближнем Востоке.

Одна из отличительных особенностей Кубинской революции – это яркая демонстрация того, как активное меньшинство может свергнуть режим. «Небольшая группа молодых революционеров-идеалистов сбросили военный диктаторский режим при помощи решительности, храбрости и удачи» [20, р. 57]. Казармы Монкада 26 июля 1953 г. атаковали 165 человек. 2 декабря 1956 г. на яхте «Гранма» на Кубу прибыли 82 бойца во главе с Кастро, а после поражения от правительственных войск их осталось 20 человек, которые и стали ядром будущего партизанского движения. В мае–июле 1958 г. отряд Кастро, который разгромил в Сьерра-Маэстре генеральное наступление правительственных войск, насчитывал 300 человек. Отряды Че Гевары и Камило Сьенфуэгоса, которые в конце августа спустились с гор и пересекли с боями провинцию Камагуэй, насчитывали 200 человек [6, с. 86, 117, 129, 135; 13, с. 136–138; 21, р. 77, 85].

Кастро называл социальной базой революции весь трудящийся народ Кубы [5, с. 113], однако рабочие представляли очень малочисленную социальную категорию в крестьянской стране, так что вполне справедлив ответ корреспонденту Правды Че Гевары о классовом составе Кубинской революции: «Революцию делали главным образом крестьяне» [6, с. 158–159]. «Я думаю, – расшифровывал свою мысль Гевара, – что среди повстанцев было шестьдесят процентов крестьян, десять процентов рабочих и десять процентов представителей буржуазии. Правда, рабочие очень помогли нам забастовочной борьбой. Но все-таки основа революции –

крестьяне» [6, с. 158–159]. Эти десять процентов рабочих и десять процентов буржуазии – это представители города: рабочие в широком понимании трудового городского населения, студенты и интеллигенция.

Все эти выводы верны, когда речь идет о «суммарном» участии: подсчете всех социальных групп, принявших участие в партизанской борьбе и революции за все годы. Зачинщиками же выступило студенчество и молодая интеллигенция страны. Безусловно, что количественно бо́льший по составу класс крестьянства, в любом случае, процентно будет перевешивать, но необходимо учитывать, что это – «солдаты» партизанской войны, ядро же движения с начала и до конца представляла молодая интеллигенция.

Процент молодежи во всех социальных группах Кубинской революции был, если не доминирующим, то очень высоким. Интересными представляются наблюдения Хорхе Ибарры, что основной конфликт на Кубе заключался в «конфликте поколений», который нельзя укладывать в рамки классового конфликта [22, р. 153–154]. Рост безработной молодежи на Кубе, по мнению автора, обеспечил этот конфликт поколений. Так, количество безработных молодых людей выросло, по подсчетам Хорхе Ибарры, с цифры чуть меньше семи тысяч человек в 1907 г. и до более 82 тысяч, что составляло 2,9% и 14%, соответственно, от всей молодежи [22, р. 154–155].

Итак, движущими силами революции стало студенчество, городские т.н. «средние и мелкобуржуазные слои» и крестьянство. Малочисленный рабочий класс аграрной Кубы поддержал революцию забастовкой в Гаване 1–2 января 1959 г. Как отмечала американская историография периода Кубинской революции, революция на Кубе не была революцией рабочих и крестьян, это была революция «сыновей и дочерей среднего класса во имя рабочих и крестьян» [1, с. 361].

В советском лагере Кубинскую революцию долгое время не знали, как признавать. Дело в том, что «пролетарская революция» должна была осуществляться пролетариатом в городах, а не вооруженной молодежью из средних классов при поддержке крестьянства. Однако революции, в которых, подобно Кубинской, основную роль сыграло партизанское движение (а основным «революционным» классом выступило крестьянство), произошли во многих странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, а ранее Кубинской – Мексиканская революция 1910–17 гг. и Китайская – 1946–49 гг.

В марксистской теории революции такие революции получили наименование народно-демократических (которые могли иметь буржуазно-демократический и социалистический характер) [2, с. 186; 14, с. 203] и национально-освободительных революций, которые направлены на уничтожение иностранного господства, завоевание национальной независимости и ликвидацию национально-колониального гнёта [16, с. 415; 15, с. 9].

Одна из самых распространенных типологизаций революций в современных исследованиях – это разделение на революции «классические», или революции в развитых странах, и революции в отсталых странах [23, р. 16; 26, р. 137–138]. Производные от этого подхода – деление на: 1) революции «Запада» и «Востока» [17, с. 271–278], 2) революции «третьего» мира и все остальные [20, р. 18–24]. «Восточным» революциям, или революциям в отсталых странах, характерна особенность распространения от окраин к центру, в отличие от «западных» [17, с. 271]. Им же присущ партизанский характер, а не городские восстания.

Подобная характеристика так же, как и марксистская, не корректна. Партизанская форма борьбы и движение от окраин к центру (а не «столичность» революций, как это было в Английской, Великой Французской и Русской революциях) были характерны для Нидерландской (1566–1609 гг.) и Американской (1775–1783 гг.) революций. Нидерландская революция представляла из себя три течения: сражения регулярной армии Вильгельма Оранского, восстания в городах и партизанское движение, пусть оно и было в форме набегов морских отрядов (морских гёзов). Американская революция включала в себя тот же набор: бои регулярных войск, восста-

ния в городах и партизанское движение. Партизанская борьба использовалась и в период Гражданской войны 1918–1922 гг. в России. Примеры партизанских движений в революциях как форма борьбы «не революционных сил» можно найти в контрреволюционном выступлении Вандеи против Парижа, в бандах «зеленых» (как противопоставление их «красным» и «белым») в русской гражданской войне и во многих других.

Ленин, в отличие от большинства марксистов и революционеров его времени, отмечал полезность любой формы революционной деятельности, в том числе и партизанской, и посвятил специальную работу разбору особенностей этого вида борьбы [8, с. 1–12]. В то время среди теоретиков и практиков революционного движения самой расхожей точкой зрения было отрицание «партизанщины», которая, по общему мнению, вела к дезорганизации. «Говорят, – писал Ленин, – партизанская война приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам, боснякам. Это верно. Но отсюда следует только то, что никогда партия пролетариата не может считать партизанской войны единственным или даже главным средством борьбы...» [8, с. 9]. По мнению Ленина, к ссылкам на дезорганизацию движения партизанской войной надо относиться критически. «Всякая новая форма борьбы, сопряженная с новыми опасностями и новыми жертвами, неизбежно «дезорганизует» неподготовленные к этой новой форме борьбы организации» [8, с. 9]. Правда, следует отметить, что Ленин под партизанской деятельностью большей частью имел в виду городскую партизанскую войну [9, с. 374–375], а в революционной активности XX в. она приняла классические черты партизанских движений, охватывающих всю страну и действующих большей частью за пределами городов.

Партизанская война к моменту кубинской революции показала свою успешность против Наполеона в Испании и России, в период Второй мировой войны, а также она привела к победе революции в Китае. Кубинским революционерам не пришлось изобретать ничего нового, они смогли хорошо воспользоваться опытом многих поколений и исследований партизанской борьбы. Исследования тактики партизанских действий начались в XIX веке и получили развитие, в том числе и в связи с практическим применением исторического опыта, в течение всего XX века [4; 11]. Таким образом, партизанская война уже использовалась в революционной борьбе, и Кубинская революция стала результатом партизанского движения, которое выступило катализатором борьбы народных сил [3, с. 178, 337].

После «Монкады» и десанта «Гранма» Фидель Кастро решил отказаться от прямой атаки, которую он стал называть «тактикой путчистского характера», «организации сил с целью попытаться захватить власть во фронтальном сражении. Не обладая при этом подавляющим превосходством своих вооруженных сил, – писал Кастро, – стали отказываться. Тактика, которую мы проповедовали, была направлена на истощение сил тирании» [5, с. 94]. Программа революционеров, провозглашенная Кастро еще в речи «История меня оправдает», получившая известность как «Программа Монкады» и ставшая основой «Движения 26 июля», включала в себя: свержение диктатуры Батисты, отстаивание суверенитета Кубы и ликвидацию зависимости, уничтожение латифундизма и раздачу земли сельским труженикам, повышение жизненного уровня граждан и гарантию социальных прав трудящихся [3, с. 45, 50; 5, с. 23–25].

Самая главная причина поддержки Кастро населением Кубы верно подмечена в историографии: «Движение 26 июля» расширяло свою социальную базу, потому что кубинцы понимали, что они несут земельную реформу и независимость от США [20, р. 62]. Поддержка Кастро крестьянами – основным населением Кубы – стала в значительной мере проявляться после «Манифеста об основах аграрной реформы» (12 июля 1957 г.). «Но постепенно крестьянство меняло своё отношение к нам, – писал Эрнесто Че Гевара. – Поворот выразился в притоке в наши партизанские отряды «пальмовых сомбреро», и таким образом наша армия горожан стала превращаться в крестьянскую армию. Параллельно вовлечению в вооружённую борьбу крестьян-гуахирос с их требованиями свободы и социальной справедливости прозвучали великие

магические слова – «аграрная реформа», которые поднимали угнетённые массы Кубы на борьбу за землю [3, с. 45].

Аграрная реформа была придумана не революционерами, а крестьянами, которые «навязали» ее, как писал Че Гевара, революции [3, с. 49]. Че Гевара указывает еще на одну причину поворота крестьянства – это репрессии. «Этот поворот был ускорен действиями репрессивных сил Батисты, которые убивали людей, разрушали дома и проявляли всяческую враждебность по отношению к тем, кто, хотя бы и случайно, имел малейший контакт с нашей Повстанческой армией» [3, с. 45].

Агитацию Кастро считал самым важным делом в революции [5, с. 66]. Исследователи подметили постоянный медийный «интерес» к Кастро: от нападения на Монкаду и до современных дней он обладает большим «медийным освещением» – и именно так «Кастро стал медийной звездой» [25, р. 19]. Внутренние СМИ использовались для пропаганды на свое население, внешние – для создания образа страны, партии и революции за рубежом (опосредовано – и на свое население, но в меньших масштабах, чем это стало делаться в последующих «разогретых» бунтах).

Привлечение американских журналистов – это ход, заимствованный из арсенала Ленина, ведь Ленин особо относился к зарубежным журналистам и писателям, способным донести нужную информацию [7, с. 129; 12]. «В те времена, – писал Че Гевара, – присутствие иностранного, желательного американского журналиста было для нас важнее, чем военный успех. Наличие североамериканцев, которые экспортировали бы нашу революционную пропаганду, было даже важнее, чем вовлечение в борьбу крестьян, которые привнесли в Революцию свои идеалы и свою веру» [3, с. 45].

Так начинался век массовых коммуникаций и, пожалуй, Кастро стал первым «медийным революционером». Главной целью движения была власть, и это главные революционеры вполне осознавали, так как именно власть дает возможность преобразований [3, с. 45]. «Власть, – писал Че Гевара, – является стратегической целью *sine qua non* революционных сил, и всё должно быть подчинено этому великому стремлению» [3, с. 284]. Для захвата власти на Кубе необходимо было «создать» сильное протестное движение или, как выражались кубинские революционеры, – «подтолкнуть» революционную активность масс. Повстанческая армия должна была в этом случае выполнить функцию катализатора и, может быть, «раздражающей занозы» для высвобождения мощи движения [3, с. 139]. Кастро с самого начала революционной деятельности утверждал, что возлагает «надежды не на группки конспираторов-полуночников или запутавшихся студентов, а на народ» [5, с. 70]. И это соответствует действительности, но только подтолкнуть народ должны были именно группки конспираторов и партизанские отряды.

«Кубинскую революцию сделали люди, которые верили, что они смогут изменить общество и их мир. Скидывая старый, несправедливый социальный порядок, бросая вызов колониальному правлению, они могут делать историю, вместо того, чтобы быть ее пассивными жертвами» [19, р. 9]. Это стало первым залогом успеха движения. Вторым – личностные свойства руководителей революции, которые оказались отличными пропагандистами и командирами. Фидель Кастро и Че Гевара были великолепными пропагандистами. Перед некоторыми их текстами выступлений и агитационных материалов меркнут Ленин и Гитлер: стройное изложение, простые построения, живой язык, доступно о капитализме и эксплуатации.

У них не было реальной программы преобразования. Программа строилась в ходе роста революционного движения, но они имели представление о ключевых требованиях, обладали харизмой и талантом увлекать народную массу. Единственный раз в истории революций и радикальных выступлений сложился такой тандем двух одинаково талантливых людей (с точки зрения боевых действий и пропаганды революции) – в тандеме Ленин и Троцкий органично дополняли друг друга: Троцкий был оратором-идеологом и военным деятелем, Ленин – стратегом,

идеологом, лидером группы активистов революции (партии) и политиком. Всеми этими чертами Кастро и Че Гевара обладали в равной степени, они смогли соединить свои таланты и усилия в сумму одного вектора. Личностный фактор сыграл большую роль в Кубинской революции, и этот тандем Кастро – Че Гевара стал существенной причиной привлекательности революционного движения.

Вообще, исследователи отмечают высочайшую роль человеческого фактора в Латинско-американских революциях [24, р. 2]. Одна из причин такого явления кроется в «интернационализации» мира и революционных движений [18, с. 371]. Интернационализация вела и ведет к заимствованию идей, методов, принципов и технологий. Отсюда – роль человеческого фактора – носителя этих идей. XX век еще больше показал, что все страны живут в быстро интегрирующемся мире. Границы окончательно перестали существовать для идей и технологий, что поставило на новый уровень возможность “экспорта революций” и технологий борьбы с ними.

Фактор армии имел на Кубе ряд особенностей. Че Гевара писал, что армия Батисты, при всех её огромных изъянах, «принадлежала к типу наёмных армий, что обеспечивало определённую цельность и сплочённость репрессивного аппарата» [3, с. 176]. Это выделяло кубинскую армию Батисты из ряда большинства армий латиноамериканских стран, где комплектование происходило из профессиональных офицерских кадров и рекрутов ежегодного призыва [3, с. 176]. Армия Батисты – от рядового до генералитета – полностью зависела от диктатора. В армиях большинства стран Латинской Америки её рядовой состав несет с собой, писал Че Гевара, «образ постоянных лишений и мучений своих родителей, их рассказы о нищете и социальной несправедливости», поэтому «их боеспособность будет глубоко ослаблена», и эта армия быстро перейдет на сторону восставшего народа [3, с. 176]. Это и определяло разницу в подходах к работе с армией и возможностью поддержки армией народного восстания. Силы революционеров сильно уступали правительственным, да и сила бунта в начале действий партизанского отряда была низкой, поэтому им не удалось бы использовать «фактор столицы» для осуществления переворота: когда заговорщики захватывают власть в столице, а затем «диктуют свою волю» остальной стране. Поэтому был выбран единственно действенный способ борьбы в таких условиях – партизанская борьба и движение на столицу с окраин.

Внешний фактор проявился в кубинской революции в виде политического и экономического давления правительства США на новые власти Кубы и организации интервенции. 2 января 1961 г. США разорвали дипломатические отношения с Кубой. С 15 по 19 апреля 1961 г. была проведена военная операция: американские самолеты нанесли бомбовый удар, а затем 17 апреля в районе Плайя-Хирон (южное побережье Кубы) с американских кораблей была произведена высадка десанта из полторы тысячи обученных и вооруженных кубинских эмигрантов. Однако десант был уничтожен вооруженными силами и милицией Кубы [1, с. 357–360, 376–380; 13, с. 142–143]. Американцам пришлось признать, что «гватемализировать» Кубу, т.е. осуществить силовой захват власти при помощи внешней поддержки, не получится, так как «на Кубе сильная и преданная революционному режиму армия» [1, 1972, с. 368–369]. Экономическая блокада Кубы со стороны США с тех пор продолжает действовать уже более полувека.

Кубинская революция поставила на повестку дня возможность победы группы активистов-революционеров, фанатично преданных делу революции и готовых идти до конца, и партизанской войны как основного вида борьбы с действующими режимами. Потенциальный протест на Кубе перешел в реальную «массу» бунта в связи с тремя основными составляющими: 1) маленькая группа людей, активно ведущая успешные боевые действия против действующего режима; 2) лозунги повстанцев отражали основные «ожидания» населения: национальный суверенитет, надежда на получение земли в случае победы повстанцев; 3) репрессии со стороны режима, толкающие людей к защите и борьбе. «Формула успеха» представляется следующим образом: активное ядро, плюс соответствие ожиданиям, плюс реакция населения на жертвы репрессий.

Нетипичность революции на Кубе заключалась в том, что левые пришли к власти не на волне бунта в его высших пиках, а самостоятельно разжигая социальный протест и переводя его из потенциального и пассивного состояния – в активное. Бунт из зачаточного состояния, в результате трех вышеперечисленных причин, за несколько лет был доведен до максимального уровня. Кастро и его сподвижники умело «оседлали» самые важные темы «политического суверенитета и экономической независимости» [3, с. 79].

Национальная борьба стала определяющей во всех антиколониальных революциях. Можно долго рассуждать о развитости Кубы до Кастро, но Куба была зависимым государством. Можно рассуждать о благах цивилизации, которые несли развитые страны колониальным, но принципы суверенитета, национальной независимости и возможности самоопределения перевесят в массовом сознании все другие факторы в долгосрочной перспективе. К «национальной идее» восставшие добавили «вопрос о земле» и «социальный блок» и, таким образом, собрали все главные «знамена», способные повести за собой широкий социальный протест населения на Кубе того времени. Рост бунта создавался пропагандистской работой и успехами повстанцев, а радикальные формы обеспечивались ведущейся партизанской войной.

Следует обратить внимание на стабильность режима Фиделя Кастро на протяжении более чем полувека. Одним из самых распространенных мнений ранее было то, что режим Кастро жил благодаря поддержке СССР, однако, СССР нет уже более двадцати лет, а режим Кастро жив [25, р. 21]. Здесь, на наш взгляд, сказываются несколько важных факторов. Во-первых, Кастро удалось решить главные «лозунги бунта»: политическая и экономическая независимость от США, уничтожение латифундизма и передача земли крестьянам, улучшение материального положения населения (в сравнении с дореволюционным). Во-вторых, бунт на Кубе изначально представлял собой силу, лишь достаточную для свержения режима, но без большого потенциала роста.

Напомним, что революции движутся справа налево и в обратном направлении. Фидель Кастро стал самым левым – перешел от широкого «народного фронта» к коммунистической (крайне левой) программе. Никаких элит, кроме изгнанной, батистовской, на Кубе не было, а из революционной создать сильную контрреволюцию было бы невозможно, так как Кастро и его сподвижники были единственными героями Кубинской революции, «справа» от них могли быть только они сами, а таких сподвижников Кастро устранил различными способами. В-третьих, сработала динамика бунта и его направление в нужное русло.

Если попытаться нарисовать условную диаграмму силы социального протеста на Кубе, то она будет представлять собой перевернутую вершиной вверх параболу (где ось x – время, ось y – «сила» бунта). В левой части, где сила бунта только начинает расти вверх, размещаются точки событий: штурм Монкады, высадка с «Гранма», первые успехи партизанского движения. Верно подмечено одним из исследователей Кубинской революции, Авивой Чомски: революция началась, когда отряды Фиделя Кастро триумфально вошли в Гавану, война была закончена, но революция только начиналась [19, р. 43]. С ростом успехов партизанского движения растет и сила бунта, достигая своей вершины с захватом Гаваны. Однако эта точка – чуть ниже закругляющейся верхней части параболы, сам же «пик» занимает период времени между 1 января 1959 г. и серединой 60-х гг.

Это было время борьбы с интервенцией, американскими угрозами и «революционным порывом» в переустройстве кубинского общества. Бунт потерял свой «контрреволюционный» вектор в связи с высылкой и репрессиями по отношению к его возможному наполнению, а «революционный» вектор был канализован в «революционное переустройство общества». Лозунг «революция должна продолжаться» и воплощение его сыграли двоякую роль, а именно как направление бунта в мирное русло социального переустройства и как использование «энергии» бунта для развития экономики страны.

Направление «энергии» бунта на переустройство общества и созидательный процесс обеспечивались методами и технологиями, известными нам по Русской революции и по СССР. Основные посылы заключаются во враждебном окружении и ведении своей революционной войны в этом враждебном международном окружении. «Эта война, – пропагандирует Че Гевара, – тоже ведётся многими видами «оружия», начиная от четырёхпроцентного взноса трудящихся на индустриализацию страны до работы каждого кооператива, до создания отраслей, до сих пор неизвестных в национальной промышленности...» [3, с. 89]. «Как солдаты Революции, мы будем выполнять ту задачу, выполнения которой требует наш долг, даже если у нас нет для этого, мягко говоря, идеальной подготовки» [3, с. 79].

Таким образом, перед руководством Кубинской революции не стояла проблема «выхода из бунта» (для удержания власти и стабилизации), так как социальный протест не принял слишком массовых форм. Несмотря на общую поддержку населением идей борьбы с режимом Батисты и программных пунктов Движения 26 июля, активные выступления затронули лишь небольшую часть населения, да и та была спровоцирована небольшой группой повстанцев. Перед Кастро стояли другие задачи в этом плане: 1) найти занятие самым активным приверженцам, для которых борьба была смыслом жизни, 2) разжечь «революционный огонь» в народе, с целью подъема экономики Кубы и стабильности режима. Первый пункт был реализован тремя путями. Часть сподвижников переключились с военной борьбы на «трудовой фронт», а те, кто не прижился в «мирной жизни» (как Че Гевара), ушли разносить «огонь» революции в других странах, и еще одна часть была репрессирована или эмигрировала.

Идея «революция продолжается» стала основным идеологическим лозунгом в стране. Кубинская революция дала также новый толчок «революционным движениям» в Латинской Америке. Характерные черты Кубинской революции стали видны в каждой из них. Во-первых, партизанская борьба, как средство достижения социально-экономических перемен по примеру Кубы, вспыхивала в эти годы в Гватемале, Никарагуа и Гондурасе. Во-вторых, четко прослеживается молодежный, студенческий, состав участников бунтов [10, с. 288, 289, 293; 13, с. 154, 189, 209, 210–211, 286]. (Здесь следует отметить, что молодежно-студенческий состав выступлений, участие интеллигенции и молодых военных в бунтах проявлялось уже и до Кубинской революции – революция в Гватемале в 1944 г., Боливийская революция 1952 г.) [13, с. 94, 97–98]. Таким образом, «лекала» Кубинской революции были заимствованы по всей Латинской Америке.

Примерно одинаково работали одни и те же факторы в каждом радикальном протесте в странах Латинской Америки. Фактор внешней угрозы – в виде экономического давления, финансирования оппозиции революционному движению или прямая интервенция (поддержка эмигрантских военных формирований, местной армии, высадка войск США) как способ подавления революций и восстаний стал характерной чертой для Латинской Америки второй половины XX века [13, с. 95–96, 141, 191–192, 236–237, 287, 290, 309–311]. И фактор армии стал одним из основных в революциях, переворотах, восстаниях Латинской Америки во второй половине XX века. [10, с. 313; 13, с. 94, 97–98, 109–110, 114, 118, 153, 168, 170, 171, 178, 190, 198, 201, 232, 236–237, 245, 246, 293].

Кубинская революция привнесла еще одну важную деталь в «технологии» революций – это личность Че Гевары. И дело не только в его «легендарности», а в том, что Че Гевара – это нетипичный для первой половины XX в. революционер без догмы, не связанный марксизмом и классовым подходом. Из подобных ярких образов в революциях можно вспомнить разве что только Гарибальди, но он посвятил свою борьбу национальной идее – объединению Италии, а для Че Гевары было все равно, где устраивать революцию. Подобный подход упрощает «экспорт революции», так как дает возможность использовать «приезжих» лидеров и организаторов народных выступлений и разжигать «революционный огонь» – вне зависимости от идеологии

классовой борьбы и сложившихся объективных условий для революции. Таким образом, «Че Гевара» стал своего рода «универсальным солдатом» революции.

Принцип «небольшой активной группы» и «очагов партизанской войны» как основного метода борьбы с властью, и связанная с таким подходом возможность «экспорта революции», захватили умы революционеров и политиков. Идея экспорта революции после Кубинской революции зазвучала сильнее и определила во второй половине XX в. стратегию и тактику «борьбы двух систем».

Следует отметить, что американцы, в основном, делали ставку на переворот подготовленными группами, а СССР – на подъем «революционного» движения группой активистов и захват власти в результате массового социального протеста. Важно, что та и другая сторона использовала одни и те же шаблоны в каждой конкретной стране, с небольшими вариациями. Данные принципы, заложенные Кубинской революцией, были после модернизированы. Для событий в начале XXI века они связаны с так называемыми «цветными революциями» на постсоветском пространстве и с событиями «арабской весны».

Список литературы:

1. Американская историография внешней политики США 1945–1970. М.: Наука, 1972. 405 с.
2. Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 36. М., Гос. изд-во Большая совет. энцикл., 1955. 672 с.
3. Гевара Э.Че. Статьи, выступления, письма: пер. с исп. М.: Культур. революция, 2006. 632 с.
4. Гершельман Ф. Партизанская война: (исследование). СПб.: Тип. департамента уделов, 1885. 421 с.
5. Кастро Ф. Избранные произведения, 1952–1986 гг.: пер. с исп. М.: Изд-во полит. лит., 1986. 568 с.
6. Лаврецкий И.Р. Эрнесто Че Гевара. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1973. 400 с.
7. Ленин В.И. О Кронштадтском восстании. Краткая запись беседы с корреспондентом американской газеты «The New York Herald» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 129.
8. Ленин В.И. Партизанская война // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 14. М.: Политиздат, 1972. С. 1–12.
9. Ленин В.И. Уроки московского восстания // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 13. М., Политиздат, 1972. С. 369–377.
10. Леонов Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М.: Мысль, 1975. 324 с.
11. Партизанское движение. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. В.А. Золотарева. Жуковский-Москва: Кучково поле, 2001. 464 с.
12. Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 352 с.
13. Строганов А.И. Новейшая история стран Латинской Америки. М.: Высшая школа, 1995. 414 с.
14. Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.Б. Константинова. Т. 1. М.: Совет. энцикл., 1960. 504 с.
15. Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.Б. Константинова / Т. 4. М.: Совет. энцикл., 1967. 592 с.
16. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева [и др.]. М.: Совет. энцикл., 1983. 836 с.
17. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. М., Прогресс, 2004. 408 с.
18. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций: пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.

19. Chomsky A.A History of the Cuban Revolution. Singapore: John Wiley & Sons, 2010. 224 p.
20. Foran J. Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 395 p.
21. Harris R.L. Che Guevara: a biography. California: ABC-CLIO, 2011. 237 p.
22. Ibarra J. Prologue to Revolution: Cuba, 1898–1958. Lynne Rienner Publishers, 1998. 231 p.
23. Laue T. von. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution 1900–1930. London: Weidenfeld & Nicolson, 1964. 242 p.
24. Selbin E. Modern Latin American revolutions. 2nd ed. Westview Press, 1999. 236 p.
25. Solares A.J. Cuba: The Disaster of Castro's Revolution. Miami: Xlibris Corporation, 2010. 28 p.
26. Tucker R. The Marxian Revolutionary Idea. N.Y.: Norton, 1970. 240 p.